

УДК 378

DOI: 10.17223/2312461X/19/5

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ-АНТРОПОЛОГ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ВУЗЕ (В СТИЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ)

Ольга Юрьевна Артемова

Аннотация. Анализируются особенности исторического развития и современного состояния высшего образования в области этнологии (этнографии) и социальной (культурной) антропологии в России. Будучи профессором и заместителем директора Центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), автор рассматривает главным образом те вопросы, которые связаны с деятельностью этой организации, но также обращается к некоторым общим тенденциям в развитии российской высшей школы за последнее десятилетие.

Ключевые слова: высшее образование в России, социальная (культурная) антропология, этнология, этнография, государственные образовательные стандарты, учебная нагрузка, бюрократия, преподаватели, студенты, руководство, университеты

...а на земле уныние народов и недоумение
Лк. 21, 26

Новые антропологи и старые этнологи

В начале 1990-х гг. на российскую этнографию, или этнологию, свалилась большая напасть. В силу известных обстоятельств в те годы множество людей, которые в советское время изучали и преподавали научный коммунизм, исторический материализм, политическую экономию социализма и историю КПСС, оказались не у дел. Им потребовалось новое поприще на нивах науки и образования. Вскоре самые активные и «влиятельные» из них нашли, как им казалось, некую свободную нишу: социальную (культурную) антропологию. Возможно, кто-то из этих предприимчивых людей не знал, а кто-то делал вид, будто не знает, что в нашей стране предмет изучения, научные методы и общее информационное поле той науки, которая в Великобритании называется социальной антропологией, а в США – культурной антропологией (или, в некоторых центрах, тоже социальной антропологией), всегда соответствовали предмету, методам и информационному полю *этнографии (этнологии)*. Как бы то ни было, социальная (культурная,

социокультурная и даже «культуральная») антропология подавалась самопровозглашенными специалистами как полное новшество. Так, во время одного из их массовых и пышных «конгрессов» некая эрудированная дама говорила с трибуны: «Мы присутствуем при рождении новой науки, и роды проходят в муках...» (записано в октябре 1997 г.). А этнография, уверяли нас новоявленные коллеги, – «это кружева, чашушки и резные наличники, вот и изучайте их!»

Дисциплина – якобы новая – была внедрена в вузовские программы (создавались кафедры и факультеты в разных университетах) и бессистемно наполнялась произвольно избираемым и некачественно реализуемым содержанием, чему особенно способствовали непрофессионально подготовленные государственные образовательные стандарты («Социальная антропология», номера специальности менялись: 020500, 350 100 и 040102), утверждавшиеся Госкомвузом (1996) и Министерством образования РФ (см.: 040102 Социальная антропология. Государственный образовательный стандарт, 2000) и иные нормативные документы, а также всевозможные учебники и учебные пособия, посыпавшиеся как из рога изобилия, писавшиеся и издававшиеся в неправдоподобно краткие сроки и нередко невиданными тиражами. Назовем лишь некоторые из их числа: Емельянов Ю.Н. Введение в культурантропологию: учеб. пособие. СПб., 1992; Емельянов Ю.Н. Основы культуральной антропологии: учеб. пособие. СПб., 1994; Культуральная антропология: учеб. пособие / под ред. Ю.Н. Емельянова, Н.Г. Скворцова. СПб., 1996; Минюшев Ф.И. Социальная антропология: курс лекций. М., 1997; Кравченко А.И. Социальная антропология: учеб. пособие для вузов. М., 2005; Добренков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология: учебник. М., 2005. Примеры тиражей: учебники А.И. Кравченко и В.И. Добренкова / А.И. Кравченко соответственно 3 000 и 2 500 экземпляров (подробнее см.: Артемова 2008). Иными словами, сегодня в нашей стране учебников по социальной (или культурной) антропологии – по большей части непригодных к употреблению – несравненно больше, чем имеется в настоящее время – и, очевидно, когда-либо будет – студентов, не только обучающихся по этой специальности, но и изучающих ее как общеобразовательную дисциплину. Отметим, что никто из авторов перечисленных учебников и учебных пособий (а равно и многих других) не получил специального – а в нашей стране оно могло быть только *этнографическим*, или *этнологическим* – образования.

До 1990-х гг. профессиональная подготовка кадров по этнографии, или этнологии, осуществлялась в нашей стране исключительно на исторических факультетах нескольких крупнейших университетов. Ведется такая подготовка и по сей день.

Когда в 1990-х гг. нарождалась «новая социальная антропология», профессионалы-этологи сначала проигнорировали этот процесс, а по-

том поняли, что единственный способ противостоять натиску самозванных коллег – организовать свои собственные образовательные и научные структуры, в которых социальная (или культурная, или социокультурная) антропология была бы сама собой и соответствовала мировым стандартам. Одной из таких структур было созданное в 1997 г. усилиями А.В. Коротаева, М.Л. Бутовской, Д.М. Бондаренко, А.А. Казанкова и, к сожалению, ныне покойного Г.А. Ткаченко, а также ряда других коллег Отделение социальной антропологии при Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). В 2000 г. оно было преобразовано в Учебно-научный центр социальной антропологии (УНЦСА) и возглавлено В.А. Тишковым. Под его руководством центр функционирует до сих пор. В нем преподают преимущественно выпускники кафедры этнографии (этнологии) МГУ, работающие одновременно в академических научно-исследовательских институтах – Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, в Институте Африки РАН, Институте научной информации по общественным наукам РАН и др. В 2005 г. центр стал интегрированной учебно-научной структурой РГГУ и Института этнологии и антропологии (УНЦСА РГГУ и ИЭА РАН).

Ни в коей мере не желая умалить достижения и значение деятельности иных аналогичных структур, но будучи сотрудником и заместителем руководителя именно УНЦСА, автор этих строк в дальнейшем сосредоточится главным образом на некоторых результатах работы, так или иначе связанной с жизнью этого научно-образовательного учреждения, а также на тех проблемах, с которыми сталкивались и сталкиваются его преподаватели и студенты. Однако невозможно будет не затронуть, хотя бы отчасти, и общую ситуацию с высшим образованием в нашей стране.

Попутно отметим, что к настоящему времени волна непрофессионального интереса к социальной (культурной) антропологии в значительной мере схлынула. Скорее всего, многие «новые социальные антропологи» использовали эту неведомую дисциплину в условиях нестабильности личного свойства, сумели с ее помощью продержаться в «смутное время» или даже заработать неплохие деньги (преимущественно на издании учебников и учебных пособий), а потом нашли какие-то иные ниши, и теперь она им стала не нужна. А нам – специалистам, студентам, абитуриентам, жителям многонациональной России в целом – она нужна, и мы стараемся о ней заботиться, как можем.

Академические люди в вузе

Придя в вуз, движимые стремлением поделиться со студентами знаниями, накопленными за десятилетия научной работы в академических институтах, все мы были неприятно поражены тем, что непосредствен-

ное взаимодействие с нашими учениками – радостное, обогащающее нас эмоционально и интеллектуально – оказалось отягощенным всевозможными нудными делами, в целесообразности которых мы сильно сомневались. Часы, проведенные у кабинетов начальников в ожидании приема для согласования, казалась бы, незначительных проблем, потраченные на оформление всевозможных приказов, имевших от пяти до семи виз согласования (помимо визы основного руководителя), на составление учебно-методических комплексов, оформление сводных ведомостей успеваемости студентов (в 1990-е и в начале 2000-х это делалось рукописно на огромных листах бумаги, которые назывались «простынями», а помощника – лаборанта или методиста – у нас поначалу не было), подготовку множества планов и отчетов, нервное собирание старых и создание новых документов, требовавшихся для регулярных проверок «свыше», аттестаций и аккредитаций, – все эти часы значительно перевешивали часы аудиторного преподавания и внеаудиторной педагогической работы со студентами. А на научную работу вообще катастрофически не хватало времени. Возникло ощущение некоей ловушки – расстаться со студентами уже невозможно, а продолжать жить в том же режиме очень некомфортно. Но люди ко всему привыкают, тем более что была и главная задача: привести социальную антропологию в соответствие с ее названием и мировым предназначением. Для этого надо было добиться изменения Госстандарта по социальной антропологии.

Немало времени ушло на попытки договориться с создателями государственного стандарта (члены тогдашнего Учебно-методического объединения по специальности «Социология» при факультете социологии МГУ и его секции «Социальная антропология»). Эти усилия оказались в целом бесплодными, и было решено обратиться непосредственно в Министерство образования и науки (МОН) РФ. Руководитель УНЦСА В.А. Тишков, сначала имевший статус члена-корреспондента, затем действительного члена РАН, а еще позднее – одного из руководителей Историко-филологического отделения РАН, адресовал многократные официальные письменные обращения к министру, его заместителям, руководителям департаментов, лично относил их, прося приема и из раза в раз аргументированно убеждая государственных деятелей в необходимости перемен. В ряде случаев автору этих строк тоже довелось присутствовать на аудиенциях в высших сферах, в кабинетах А.А. Фурсенко, И.М. Реморенко, И.И. Калины, Н.М. Розиной и некоторых других. Были безрезультатные, были и явно неудачные переговоры, но, наконец, в 2006 г. нас услышали. Нашими проблемами проникся возглавлявший тогда МОН А.А. Фурсенко.

Правда, шел уже Болонский процесс и намечался переход к двухуровневой системе высшего образования, поэтому нам было реко-

мендовано готовить проект не одного нового государственного стандарта для специалитета, которому предстояло быть упраздненным, но проекты двух стандартов – для бакалавриата и магистратуры. Мы получили также оказавшийся очень плодотворным совет от одной из сотрудниц Департамента государственной политики в сфере высшего образования, Т.Э. Петровой: в соответствии с новым курсом МОН, нацеленным на укрупненные направления высшего образования, не ограничивать содержание новых стандартов одной только социальной антропологией, но встроить в предметную область своих проектов физическую, или биологическую, антропологию, этологию человека и особо выделить этнологию, что сулит выигрышную позицию в нашей многонациональной стране. «Иначе вы проиграете», – внушительно предупредила нас Т.Э. Петрова. Последовав ее совету, мы подготовили проекты стандартов по новому направлению «Антропология и этнология», и оно было включено в государственную номенклатуру направлений высшего образования (ВО). В 2008 г. был утвержден Федеральный государственный стандарт (ФГОС) по названному направлению уровня магистратуры, а в 2011 г. ФГОС уровня бакалавриата.

Так впервые в нашей стране наше предметное поле обрело статус самостоятельной единицы в государственных номенклатурных перечнях – 46.03.03 и 46.04.03 «Антропология и этнология», магистратура и бакалавриат. Ведь до того этнология (этнография) числилась лишь в списках «вспомогательных исторических дисциплин», а физическая антропология была оторвана от социального контекста развития человека, входя лишь в сферу биологических наук. Для этологии же человека, которая как бы перебрасывает мосты между биологической его природой и социальной жизнью, вообще не было ниши в государственных номенклатурных документах.

Самостоятельное направление высшего образования

К настоящему времени силами преподавателей и научных сотрудников Учебно-научного центра социальной антропологии (УНЦСА) РГГУ и Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН под руководством В.А. Тишкова создано три поколения федеральных государственных образовательных стандартов по новому направлению. В этой работе мы опирались на помощь коллег из других образовательных и научных учреждений нашей страны – Е.П. Батьяновой (ИЭА РАН), Н.Н. Крадина (Дальневосточный федеральный университет), М.Ю. Мартыновой (ИЭА РАН), И.В. Нам (Томский государственный университет), А.Г. Новожилова (СПбГУ), Т.Б. Смирновой (Омский государственный университет), Н.А. Стручковой (Северо-Восточный

федеральный университет), Т.А. Титовой (Казанский государственный университет), И.Ю. Трушковой (Вятский государственный университет), Д.А. Функа (МГУ) и ряда других. Мы им весьма признательны.

Впервые набор на это направление был осуществлен в УНЦСА РГГУ 2009 г. в магистратуру и в 2012 г. – на бакалавриат. Начав в 1998 г. с 12 студентов (еще на специалитете и в качестве «Отделения социальной антропологии»), наш центр осуществил 15 выпусков, подготовив свыше 160 специалистов, бакалавров и магистров. Многие из них поступили в аспирантуру ряда академических институтов, в первую очередь – ИЭА РАН, некоторые, защитив диссертации или готовя их, работают в качестве научных сотрудников. Семеро выпускников были приняты в УНЦСА на исследовательскую или преподавательскую работу. Пятеро успешно трудятся среди нас и сегодня. Другие выпускники работают в иных вузах, в СМИ, коммерческих структурах, посольствах, органах государственного и муниципального управления, в Министерстве иностранных дел. Некоторые продолжили или продолжают обучение за рубежом и за рубежом обрели трудоустройство (во Франции, Австрии, США, Индии, Китае, Индонезии).

В настоящее время в УНЦСА в рамках направления «Антропология и этнология» обучаются 126 студентов, из них 22 человека в магистратуре и 104 человека на бакалавриате (как на бюджетной, так и на договорной формах обучения, в соотношении примерно 2 : 1). Для набора 2018 г. выделено 10 бюджетных мест на магистратуру и 20 – на бакалавриат. Предполагается, что на коммерческой основе еще 5 абитуриентов будут приняты в магистратуру и 10 – на бакалавриат.

На сегодняшний день направление «Антропология и этнология» лицензировано в 10 вузах России. Однако только в семи из них профессионально реализуются образовательные программы именно по этому направлению; количество бюджетных мест, выделяемых для них, в последние годы проявляет неуклонную тенденцию к сокращению.

В **Казанском государственном университете** в рамках направления «Антропология и этнология» обучаются 106 студентов, из них 87 человек на бакалавриате и 19 в магистратуре. Для набора 2018 г. выделено 8 бюджетных мест на магистратуру (вместо запрошенных 15) и 17 – на бакалавриат (вместо запрошенных 25).

В **Томском государственном университете** по направлению «Антропология и этнология» на историческом факультете обучаются 54 студента, из них 34 человека на бакалавриате и 20 – в магистратуре. Специальной образовательной структуры по названному направлению не было до декабря 2017 г. В конце декабря 2017 г. на историческом факультете создана кафедра антропологии и этнологии. На направление 46.03.03 (бакалавриат) «Антропология и этнология» на 2018–

2019 учебный год выделено 6 бюджетных мест (вместо запрошенных 10). В прошлые годы выделялось больше бюджетных мест для бакалавриата (до 10). На магистратуру по тому же направлению выделено по 10 мест на две программы, как и было запрошено.

В Санкт-Петербургском государственном университете по направлению «Антропология и этнология» обучаются только пять студентов в магистратуре. Для набора 2018 г. выделено пять бюджетных мест (вместо запрошенных 10). Есть бакалаврская программа «История», профиль «Этнология», на которой обучаются 17 человек

В Омском государственном университете подготовку по направлению «Антропология и этнология» осуществляет кафедра этнологии, антропологии, археологии и музеологии. Кафедра ведет три образовательные программы уровня бакалавриата: «История» (есть направленность «Археология и этнология»), «Антропология и этнология», «Музеология», а также две образовательные программы уровня магистратуры – «Антропология и этнология» и «История» (программа «История культуры народов мира»). Собственно по направлению «Антропология и этнология» на бакалавриате обучаются 58 человек, в магистратуре – 17 человек. Еще 34 человека обучаются по двум связанным с антропологией и этнологией программам в рамках направления «История». На 2018 г. на направление «Антропология и этнология» уровня бакалавриата выделено 10 бюджетных мест (вместо запрошенных 15) и 8 мест уровня магистратуры. По программе «История культуры народов мира» выделено 6 бюджетных мест.

В Дальневосточном федеральном университете (Владивосток) подготовку по направлению «Антропология и этнология» осуществляет Департамент истории и археологии. В магистратуре обучаются 28 человек, бакалавриата нет. В 2018 г. набора на это направление не будет. На направление «История» планируется набор 42 человека, в том числе на особую программу по археологии и антропологии.

В Северо-Восточном федеральном университете (Якутск) подготовка по направлению «Антропология и этнология» реализуется на историческом факультете. Выпускающая кафедра – кафедра всемирной, отечественной истории, археологии и этнологии. Имеется 28 студентов в магистратуре, обучающихся по программе «Этнология народов Северо-Востока РФ». Бакалавриата нет. В 2018 г. впервые будет осуществлен набор для обучения по магистерской программе «Социальная антропология народов Северо-Востока РФ» (направление подготовки «Антропология и этнология»), получено 5 бюджетных мест (вместо запрошенных 15).

В Вятском государственном университете по направлению «Антропология и этнология» обучаются 26 студентов договорной формы обучения на бакалавриате. Бюджетные места не выделяются. Докумен-

ты на открытие магистратуры оформлены, но набор не производится. Направление «Антропология и этнология» реализуется на кафедре всеобщей истории и политических наук. Кафедра археологии, этнологии и культурной антропологии упразднена. В 2018 г. приема не будет, а желающих обучаться по названному направлению – как на бакалавриате, так и в магистратуре – немало.

Кафедра этнологии в **Московском государственном университете** на историческом факультете имеет в рамках направления «История» три образовательные программы (бакалаврскую и две магистерские). По состоянию на 2017/18 учебный год на бакалавриате обучаются 61, в магистратуре – 29 человек.

Итак, в **восьми** вузах нашей многонациональной, поликонфессиональной и в целом чрезвычайно сложной в социокультурном отношении страны по направлению «Антропология и этнология» и по связанным тематически с этим направлением профильным программам в рамках направления «История» обучаются около **600** человек (включая бакалавриат и магистратуру, очное и заочное обучение, бюджетные и договорные места). В 2018 г. лишь **шесть** из названных университетов будут осуществлять набор на направление «Антропология и этнология», число выделенных бюджетных мест собственно на это направление шести университетам – **110**. Оно не только существенно меньше того, что запрашивалось выпускающими кафедрами и центрами, но и меньше того, что выделялось в предшествующие годы. Так, для набора 2015 г. было выделено (при полном выполнении заявок) 80 мест на бакалавриат и 64 – на магистратуру. Этому способствовали официальные обращения в МОН В.А. Тишкова и поддержка сотрудника Департамента государственной политики в сфере высшего образования А.Ю. Кузнецова.

Для сравнения: в **268** университетах **США** имеются структуры, готовящие антропологов и этнологов. В **Великобритании** – в **25** университетах, в Индии – в **45** университетах. Наборы обучающихся, как правило, не менее 20–25 человек.

Что нам особенно мешает и в чем мы остро нуждаемся

В настоящее время направление «Антропология и этнология» включено в укрупненную группу направлений ВО «История и археология», название которой представляет собой некоторое недоразумение. Оно было дано этой группе тогда, когда «Археология» не являлась отдельным направлением ВО (этот статус она должна получить в скором времени). Попытки руководителей Учебно-методического объединения по указанной укрупненной группе убедить МОН изменить ее название, добавив в него слово «антропология», пока не при-

вели к желаемому результату. Но название – это не главное. Гораздо важнее, что бюджетные места выделяются вузам не для отдельных направлений, а для укрупненных групп, решения же о том, как их распределять по отдельным направлениям, принимаются вузовскими администрациями, и «Антропология и этнология» сплошь и рядом оказывается в невыгодном положении по сравнению с собственно «Историей» или даже просто игнорируется, как это происходит, например, в Вятском государственном университете. Необходима нормативная регламентация соответствующих пропорций со стороны МОН, но этому препятствует провозглашенный на государственном уровне принцип «автономии вузов». Будучи, казалось бы, либеральным и прогрессивным, этот принцип на деле нередко оборачивается тем, что в вузовских кругах принято называть «произволом ректоров» и «ущемлением интересов» отдельных направлений ВО, рядовых преподавателей и студентов.

Приведем пример применительно к нашему направлению. Далеко не всякий ректорат легко убедить в необходимости развивать это направление, а даже если и удастся получить согласие вузовской администрации на его лицензирование и провести эту чрезвычайно сложную процедуру, то возникают иные препоны. Например, некоторые ректораты отказываются реализовывать новую образовательную программу при наборе менее 25 человек, набрать же такую группу (впервые в данном вузе и притом, что бюджетных мест выделено всего пять или вообще не выделено) за счет коммерческих студентов оказывается практически невозможным. Нужна планомерная и стабильная поддержка государства в создании новых, надежно обеспеченных профессиональными преподавательскими кадрами и студенческим контингентом образовательных структур, призванных реализовывать направление «Антропология и этнология». Нужна и сформированная государством система включения в штаты госучреждений и бизнес-структур нашей многонациональной страны специалистов в области антропологии и этнологии.

Когда впервые готовились ФГОСы по антропологии и этнологии, министерская модель этих нормативных документов предусматривала перечень обязательных учебных дисциплин и весьма широкие возможности для самостоятельного формирования вузами вариативной части образовательных программ. Модели двух последних поколений ФГОСов строятся на так называемой компетентностной основе: вместо учебных дисциплин предлагаются комплексы универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, т.е. знаний и навыков обучающихся, которые должны обеспечиваться наборами дисциплин, определяемыми на уровне вузов. Формат формулирования компетенций имеет весьма обобщенный и неотчетливый характер –

адекватно перечислить те знания и навыки, которыми должен обладать профессионал по окончании вуза, в ограниченном по объему нормативном документе просто невозможно, – и поэтому неизбежно «вымывается» содержание образования по тому или иному конкретному направлению (см., например: Федеральный государственный образовательный стандарт 2014). Как сказал один из крупнейших специалистов, познакомившись с новым проектом ФГОС по «Антропологии и этнологии», «ну, теперь и ветеринары смогут готовить этнологов и антропологов». Да и само слово «компетенции» чуждо литературному русскому языку и профессиональному преподавательскому менталитету; перечни компетенций, как правило, не воспринимаются серьезно теми, кому надлежит их «формировать» у обучающихся. Они воспринимаются как очередные бюрократические «выкрутасы» или «несуразицы», с которыми приходится мириться, считаться – но не более того. Это не может не вредить делу. Содержательная нормативная база ВО остро нуждается в корректировке. И здесь мы плавно перешли от проблем, касающихся собственно нашей профессиональной сферы, к проблемам, с которыми сталкивается высшее образование в России в целом.

Так называемая *дорожная карта* развития высшего образования в нашей стране, которая среди прочего предписывает, чтобы соотношение преподавателей и студентов в вузах было приведено к 2018 г. к пропорции 1 : 12 (против 1 : 9,4 в 2012 г. – см. План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», 2012: 88) и один из «майских указов президента» (см. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597), предписывавший к 2018 г. увеличение заработной платы профессорско-преподавательского состава до 200% по отношению к средней в регионе, что в значительной мере должно быть осуществлено за счет «внутренних ресурсов вузов» (по крайней мере, именно в последнем до недавнего времени уверяли преподавателей вузовские администрации), а также упомянутый выше принцип автономии вузов в своей совокупности привели к непомерному увеличению учебной нагрузки преподавателей на ставку, мощному сокращению числа преподавательских ставок, значительному ухудшению условий труда преподавателей и неизбежному при этом снижению качества образования. Этому способствуют и некоторые более частные государственные нормативные акты.

Когда в 2000 г. УНЦСА РГГУ начинал свою деятельность, предельная учебная нагрузка преподавателя (лекции, семинары, экзамены, зачеты, проверка контрольных работ и индивидуальные консультации – словом, все то, что называется термином «учебная работа») по утвержденным на уровне министерства нормам не должна была превышать

600 часов в год и должна была дифференцироваться по объему в зависимости от должности, ученой степени и ученого звания преподавателя. Это положение в РГГУ, как и во многих других вузах, в целом соблюдалось, а в ряде случаев существовали и более благоприятные условия. Скажем, нашему центру – как не только образовательной, но и исследовательской структуре – было установлено 60% (от предельной общеуниверситетской) нагрузки на ставку. Выходило 420 часов в год, если преподаватель работает на полную ставку, что означало примерно четыре сдвоенных аудиторных занятия («пары») в неделю (восемь академических часов). В настоящее время нагрузка каждого преподавателя нашего центра, работающего на полную ставку, составляет 750 часов в год, при этом мы являемся редким исключением, подавляющее же большинство подразделений РГГУ имеют 850–900 часов на одну преподавательскую ставку. И нет никакой дифференциации по должностям. Это происходит во множестве вузов страны, не только в РГГУ. На практике такая учебная нагрузка означает, что преподаватель вынужден вести 10–12, а то и более «пар» в неделю, т.е. проводить в аудиториях 20–24 из 36 часов в неделю, которыми законодательно ограничивается его рабочее время в целом. А ему надо готовиться к занятиям, консультировать студентов, писать отчеты, составлять методические пособия, да еще и научные труды создавать, причем публиковать их в индексируемых журналах! Недавно на одном преподавательском форуме люди поделились друг с другом подсчетами реально затрачиваемых на работу часов. Получилось не менее 55 часов в неделю, причем астрономических, а не академических часов. Многие работают больше.

Для сравнения: профессор в Австралийском национальном университете читает одну лекцию в неделю и ведет один семинар. Два часа в неделю он проводит в своем кабинете в ожидании студентов, которые могут прийти на консультацию. Итого шесть академических часов. Разумеется, и гнет бюрократических обязанностей у него на порядок меньше, чем у российского коллеги.

900 часов в год на ставку преподавателя – это предельная годовая учебная нагрузка, установленная в 2014 г. приказом № 1601 министра образования и науки Д.В. Ливанова (Приказ Минобрнауки России № 1601 «О продолжительности рабочего времени», 2014). В том же приказе требуется, чтобы вуз определял среднюю нагрузку – она заведомо должна быть ниже 900 часов – и дифференцировал объем нагрузки по подразделениям, должностям, степеням и т.п. Некоторые вузы следуют этим требованиям, но многие ими пренебрегают или дифференцируют нагрузку преподавателей откровенно циничным образом – 895 часов у одного, а 900 – у другого, и ни в одной вышестоящей или судебной инстанции не обжалуешь. Это на юридическом языке называ-

ется злоупотреблением правом. Единственный путь сделать такое злоупотребление невозможным – издание нового министерского приказа, сокращающего предельную учебную нагрузку на ставку в год хотя бы до тех же 600 часов, которые предписывались еще сравнительно недавно, и, кроме того, не просто требующего дифференциации нагрузки в зависимости от конкретных обстоятельств, но точно указывающего нормативы для тех или иных категорий вузовских преподавателей. Мы остро в таком новом приказе нуждаемся. Это все равно сулит немало работы, но мы хорошо понимаем, что России никогда не догнать Австралию по степени гуманности условий труда.

Широко применяются администрациями и всевозможные латентные способы увеличения учебной нагрузки. Издаются локальные акты, уменьшающие количество часов, отводимых на различные виды работы. Так, например, в РГГУ преподавателю новыми распоряжениями отводится полчаса в семестр на проверку самостоятельной работы одного студента, два часа в год на руководство одной курсовой работой, шесть часов в день на группу студентов при руководстве выездной учебной практикой (на деле преподаватель, отвечающий за безопасность студентов во время выездной практики, работает чуть ли не круглосуточно) и т.п. Ясное дело, что выполнить это невозможно, следовательно, преподаватель трудится значительно больше времени, чем записанные за ним в плане 900 часов в год. Зато общая нагрузка по подразделению уменьшается, и преподавателям предлагается переходить на доли ставки (0,8, 0,5 и т.п.). А часть ставок вообще сокращается. Такие примеры можно было бы еще долго приводить, но это очень утомительно. Отметим только, что хитроумные способы «выжимания соков» из преподавателей и «выдавливания» немалой их части из штатов вузов неисчерпаемы. Изобретательности тех, кто этим занимается, можно похвалиться. Единственное, что способно остановить этот процесс, – разумное и гуманное государственное нормирование времени, предусматриваемого для различных видов преподавательской работы. В сложившихся условиях, к сожалению, автономия вузов себя не оправдывает, и без, казалось бы, мелочной и нудной государственной регламентации не обойтись. Боязнь нарушить предписания свыше и лишиться должностей – это то немногое, что способно вразумлять многие вузовские администрации. Конечно, по видимому, есть и исключения. Существуют, наверное, вузы, в которых преподаватели, студенты и руководство слаженно и во взаимном согласии трудятся на ниве высшего образования. Нам, однако, они неизвестны.

Есть в нашей стране два вуза – Московский государственный университет и Санкт-Петербургский государственный университет – которые живут по особым правилам, ряд затронутых в настоящей статье

проблем к этим учреждениям не относится, но и в них положение тоже в последние годы ухудшается, и у преподавателей этих вузов, насколько я могу судить по общению с коллегами, немало претензий к управляющему чиновничеству (см. также: Орлова 2017).

Наконец, нельзя не упомянуть еще один способ злоупотребления правом со стороны вузовских администраций – распространившуюся в последние годы практику заключения годичных или даже десятилетних трудовых контрактов с преподавателями – вместо бессрочных, пятилетних или трехлетних, типичных для прежних лет. Проблема эта широко обсуждается в печати и на преподавательских форумах, поэтому специально рассматривать ее здесь нет смысла. Отметим лишь, что такие контракты тоже ведут к ухудшению условий труда преподавателей и качества преподавания, не говоря уж о том, что позволяют легко избавляться от «лишних» и неугодных. И от этого нам тоже необходима защита государства.

Когда в конце 1990-х мы, академические люди, пришли в РГГУ, стиль управления этим учреждением показался нам весьма жестким, даже брутальным, и все же тогда существовали некое единство и солидарность профессуры, всех преподавателей и руководителей. Было убеждение, что делаем вместе общее дело. С тех пор все руководящие кадры поменялись не единожды, и примерно с 2011–2012 гг. начался процесс, в результате которого университетский «народ» – преподаватели, методисты, документоведы, лаборанты – стал ощущать и именовать себя «мы», а начальство и всех тех, кто исправно выполняет любые его распоряжения – «они». «Они» – это те, «кто хотят, чтобы нам жизнь медом не казалась»; это те, кто «на нас» притесняют, не щадят, не ценят; те, которые все время забывают, что есть еще и студенты, а не одни бумаги. Такая подспудная, латентная социально-психологическая конфронтация сложилась не в одном только РГГУ, она довольно типична для современной вузовской жизни (см., например, Алавердов, Громова 2017) и тоже представляет собой немалую беду.

Требуется пояснить, почему мы не затрагиваем финансовую сторону вузовской жизни, включая оплату труда преподавателей. Да, заработная плата, конечно, растет, но при разительном ухудшении условий труда и лишении долей ставок или же вообще рабочих мест немалого числа преподавателей. То, как происходит финансирование вузов, и то, как расходуются вузовскими администрациями получаемые от государства и от коммерческих студентов средства, абсолютно скрыто от рядовых преподавателей. Отсутствие информации исключает сколь-нибудь взвешенные суждения, но оно же – отсутствие информации – не позволяет рядовым преподавателям сочувственно относиться к постоянным жалобам администрации на нехватку денег для самых насущных

нужд (например, ремонт помещений, обновление оборудования и т.п.) и – тем более – внимать призывам быть сознательными коллегами, войти в бедственное положение университета и на время добровольно потуже затянуть пояса.

Общий же вывод таков: преподавателям, их вузовским помощникам и студентам остро нужна помощь государства. К ней необходимо официально апеллировать – о конкретных нуждах и конкретных предложениях – всеми возможными путями и неустанно: используя письменные обращения от профессиональных ассоциаций, вузовских подразделений, профсоюзных ячеек, инициативных групп профессуры и т.п.; последовательно пытаюсь наладить личные контакты с теми представителями властных структур, на понимание которых можно надеяться. Такие люди встречаются везде, а личное взаимодействие – face to face relations – всегда было самым надежным путем к цели, о чем социальным антропологам доподлинно известно. Но это еще не все.

Народы тишины хотят?

Ибо вы люди разумные охотно терпите неразумных: вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто перевозносится, когда кто бьет вас в лицо.

2-е Кор. 11

Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся...

2-е Кор. 4

Интернет и СМИ представляют нам немало подвижников борьбы за справедливость и правду, против коррупции и притеснений властей. Защитников обездоленных, несправедливо наказанных, больных и инвалидов. Мы повседневно узнаем о людях, не щадящих сил ради спасения бездомных собак, дельфинов или слонов, неправильно содержащихся в неволе.

Но в повседневной жизни мы постоянно взаимодействуем с теми, кто не хочет или не может приложить силы к противодействию явлениям, вредящим им самим и их соседям или сослуживцам, причем сделать это в таких обстоятельствах, которые, по большому счету, не чреватые серьезными опасностями и не требуют героических усилий. К вузовским преподавателям это в полной мере относится.

Драматическое возрастание нагрузки, о котором говорилось выше, сопровождается неуклонным расширением бюрократии (вузовской и «надвузовской»), заявляющей о себе все новыми и новыми чиновничьими требованиями, которые ложатся – вдобавок к делу непосредственного обучения студентов – на плечи преподавателей, а также иных со-

трудников факультетов и кафедр, тяжким бременем: отчеты, планы, все усложняющиеся по структуре и способам оформления экзаменационные и зачетные ведомости, текущие служебные письма и многое, многое другое (ср.: Казмин 2018). В преподавательской среде вся эта бумажная работа получила название «бюрократической барщины». Выполняя ее, преподаватели, методисты и лаборанты, в сущности, «содержат» бюрократический аппарат ВО, обеспечивают саму возможность его существования. Помимо трудозатрат и поглощения времени, эта работа еще вредна исполнителям в моральном и интеллектуальном отношениях: приходится составлять бумаги, суконный язык и непостижимая чиновничья логика которых не просто раздражают, но, как все дурное, обладают свойством заразительности. «Мы от этого тупеем, нам за вредность молоко надо давать», – часто повторяют коллеги, вынужденные делать такую работу. Это тоже самым негативным образом сказывается на качестве высшего образования, ведет к измождению всех участников учебного процесса и вызывает острое возмущение сотрудников и преподавателей, последних – в особенности. Однако возмущение в основном остается кулуарным, люди гnevаются и жалуются в разговорах друг с другом. На общих собраниях, заседаниях ученых советов и других коллективных мероприятиях они в большинстве своем предпочитают молчать. Выступают с публичными протестами лишь редкие одиночки.

В стране создан альтернативный традиционному Профсоюзу работников народного образования и науки (его часто коллеги-преподаватели называют «ручным» или «карманным») новый профсоюз «Университетская солидарность», в нем числится 400 человек! На его мероприятиях активисты с горечью говорят о том, что подавляющая часть их коллег «боится» протестовать, многие предпочитают «уходить», т.е. искать другую работу и увольняться, как только представляется возможность обрести что-то приемлемое. Однако общая беда настигает «ушедших» и в новых местах. Не правильнее ли на старых местах «бороться за самих себя, своих товарищей, а также учеников»? В чем же дело? Если люди все равно готовы расстаться со старой работой, почему бы им там сначала не попытаться совместными усилиями изменить положение желательным образом?

Действительно, пока что у нас в вузах люди, открыто протестующие против установлений администрации, рискуют только потерять работу, расстаться с которой они во многих случаях уже внутренне приготовились. Уходят порой целыми кафедрами, даже факультетами. Конечно,

* Цифра прозвучала в одном из устных выступлений, проверить ее у автора не было возможности, но симптоматично, что многие, вступившие в Университетскую солидарность, скрывают это и от своих вузовских коллег, и от администраций.

психологически комфортнее уйти самому, нежели быть уволенным, да еще при хитро и оскорбительно подстроенных обстоятельствах. Это в самых крупных городах, в столичных вузах. В провинциальных высших учебных заведениях дело обстоит еще хуже, другой работы сплошь и рядом людям просто не найти.

И все же не страх потерять работу, как нам кажется, определяет в первую очередь те поведенческие стереотипы, о которых говорилось выше; главное – это то, что любые легальные (а только о легальных мы и рассуждаем) и, казалось бы, уже где-то и кем-то отработанные ранее способы противодействия администрации требуют большого нервного напряжения, причем, как правило, длительного. Втянуться в затяжную коллизию, которая еще неизвестно чем кончится и неизвестно какие побочные следствия будет иметь? Нет, лучше поискать более тихую гавань, если эта превратилась в негодную. Заслуживает ли такая позиция осуждения? Является ли она нерациональной? На наш взгляд, ответ должен быть в обоих случаях отрицательным. Вспоминается вопрос одного из литературных героев: «Как заставить мученика за себя постоять?» (Чабуа Амирэджиби. Дата Туташхия). Похоже, что никак. Да и нельзя заставлять. Мало ли заставляли и заставляют всего другого делать?

Легальная правозащитная коллективная деятельность имеет очень короткую историю по сравнению с другими видами коллективного созидания приемлемых условий человеческого общежития. И уж, во всяком случае, массовый эскапизм (бегство от притеснений властей) является несравненно более глубоко укоренившейся стратегией, не раз показавшей свою надежность. По крайней мере – в истории нашей страны. Колонизация огромных пространств и упорное созидание на новых местах в огромном числе исторических примеров имели своим стимулом невыносимые условия на старых местах, где власти «непомерно перенапрягали народные силы» (В.О. Ключевский). Эскапизм в нашей стране почти всегда был эффективнее не только «русского бунта», но и европейского открытого отстаивания законных прав. Да и на старых местах людям было и продолжает быть свойственно искать и находить – совместным творчеством, методом проб и ошибок – облегчающие ситуацию и не сулящие глубоких и затяжных стрессов «обходные маневры».

Если вернуться к нашим университетским сюжетам, то можно упомянуть тихий саботаж нелепых бюрократических распоряжений, доходящую до насмешливости в своей поверхностности отчетную документацию и даже хитроумные способы сокращения учебной работы. Да и мало ли еще чего мы о себе знаем, но не расскажем. При этом главное дело не страдает, если оно в руках добросовестных людей. «Не плыви

по течению. Не плыви против течения. Плыви туда, куда тебе надо» (К. Прутков-инженер. Советы начинающему спортсмену).

На протяжении многих десятков тысячелетий люди созидали всевозможные формы общежития и кооперации труда не под давлением и не по указке властей, а также и не в ходе изнурительной борьбы с властями, ведь властей-то на протяжении подавляющей части человеческой истории просто не существовало, но в процессе совместного эмпирического поиска оптимальных решений тех или иных конкретных задач. Власти и чиновничество, впервые появившиеся на Ближнем Востоке не более десяти тысяч лет назад, а в нашей стране – значительно позднее, не сумели прекратить эти глубинные и идущие из незапамятной древности процессы народной жизни, они продолжают свой ход как бы подспудно. Проникновение в суть этих творческих процессов людского взаимодействия есть главная задача нашей науки – социальной антропологии. Трудно судить, далеко ли она в этом продвинулась, но она, по крайней мере, дает понимание того, что если люди в массе своей в конкретной социальной среде в конкретное время не делают того, что, казалось бы, предписывают разум и представления о справедливости, то им, быть может, «виднее», «как надо» и как не надо. Здесь, возможно, сказываются глубинный исторический опыт, некая тектоника социальной жизни, смысл которой раскроется только по прошествии длительного времени. «Человек, как отдельная личность, почти всегда неправ. А народ всегда прав» (Чабуа Амирэджиби. Дата Туташхия). 250 000 вузовских преподавателей в современной России (или более – см.: Реформа высшего образования, 2017: 8) – это, конечно же, народ, и он стремится, по крайней мере, сохранить себя и свое дело. А для этого нужны хотя бы *относительная психологическая стабильность, размеренный профессиональный труд и отсутствие затяжного стресса*. Приходит на память пушкинское: «Народы тишины хотят, и долго их ярем не треснет». Вспоминаются и обращенные к автору этих строк (в конце 1990-х гг.) слова опытной преподавательницы Института военных переводчиков, покойной Ц.Е. Лакерник: «Терпите, эта вакханалия когда-нибудь кончится, а высшее образование всегда нужно будет, кому учить тогда?» А наша коллега Н.Н. Садамская (тоже, увы, ушедшая из жизни) вторила ей несколько позднее: «Вы делаете святое дело, только не бросайте его. А интересно, надолго ли вас хватит?»

Однако тот же опыт социальной антропологии, изучающей культуры самых разных уголков мира, показывает, что любое здоровое общество должно обладать самодеятельной, не организованной, не инспирированной властями, авторитетными структурами или отдельными харизматическими лидерами социальной активностью, солидарностью граждан, умеющих объединять свои усилия и реализовывать же-

лаемые цели легальными средствами. Такая активность слабо проявляется на постсоветском пространстве в целом и среди вузовской интеллигенции в частности. Но нам все же надо быть деятельнее и смелее: «никто не спасет род человеческий, кроме самого человека», а «смелость дело навыка, привычки» (Чабуа Амирэджиби. Дата Туташиа).

Литература

- Алавердов А.Р., Громова Н.А. Научно-педагогические работники и административно-управленческий персонал: конфликт интересов или конструктивное взаимодействие? // Высшее образование в России. 2017. № 3 (210). С. 5–16.
- Артемова О.Ю. Десять лет «первобытности» в постсоветской России // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 139–156.
- Казмин Н.В. «Ненавижу!». Открытое письмо Николая Казмина (о проблемах современной педагогики). Опубл. 05.02.2018. URL: <http://likorg.ru/post/nenavizhu-otkrytoe-pismo-nikolaya-kazmina-o-problemah-sovremennoy-pedagogiki> (дата обращения: 10.02.2018).
- Орлова И.Б. Реформирование системы высшего образования в оценке университетского сообщества // Alma mater. Вестник высшей школы. 2017. № 1. С. 6–10.
- План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2012 г. № 2620-р. URL: https://минобрнауки.рф/новости/2993/файл/1565/12.12.30-Распоряжение_2620р.pdf (дата обращения: 10.01.2018).
- Приказ Минобрнауки России от 22.12.2014 № 1601 (ред. от 29.06.2016) «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре». URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-22122014-n-1601> (дата обращения: 10.01.2018).
- Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт // Бюллетень о сфере образования. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. 2017, июнь. № 12. С. 3–23. URL: <https://nangs.org/analytics/analiticheskij-tsentr-pripravitelstve-rf-reforma-vysshego-obrazovaniya-otechestvennyj-i-zarubezhnyj-opyt-iyun-2017-pdf> (дата обращения: 10.01.2018).
- Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». М., 2012. URL: <http://base.garant.ru/70170950/> (дата обращения: 10.01.2018).
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования – бакалавриат. Направление подготовки 46.03.03 Антропология и этнология. М., 2014. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/umo/binary/fgos%203/460303_Antropologia_i_etnologia.pdf (дата обращения: 10.01.2018).
- 040102 Социальная антропология. Государственный образовательный стандарт Высшего образования. М., 2000. URL: <https://eduscan.net/> (дата обращения: 10.01.2018).

Статья поступила в редакцию журнала 20 января 2018 г.

Artemova Olga Yu.

TEACHING ANTHROPOLOGY AT THE RUSSIAN UNIVERSITY TODAY: SOME REFLECTIONS ON THE PRACTICE

DOI: 10.17223/2312461X/19/5

Abstract. The article describes and analyses specific features of the history and the current state of higher education in ethnology (ethnography) and social (cultural) anthropology in Russia. Being a professor and Deputy Director of the Center of Social Anthropology at the Russian State University for the Humanities, the author predominantly deals with problems connected to the activity of this institution, though some general trends in the development of Russian higher education as a whole in the last decade are also discussed in the article.

Keywords: higher education in Russia, social (cultural) anthropology, ethnology, ethnography, state standards for education, workload, bureaucracy, teachers, students, management, universities

References

- Alaverdov A.R., Gromova N.A. Nauchno-pedagogicheskie rabotniki i administrativno-upravlencheskii personal: konflikt interesov ili konstruktivnoe vzaimodeistvie? [Teaching and research staff and management and administrative staff: a conflict of interests or constructive interaction?], *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2017, no. 3 (210), pp. 5–16.
- Artemova O.Iu. Desiat' let "pervobytnosti" v postsovetsoi Rossii [10 years of 'prehistory' in post-Soviet Russia], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 2, pp.139-156.
- Kazmin N.V. «Nenavizhu!». *Otkrytoe pis'mo Nikolaia Kazmina (o problemakh sovremennoi pedagogiki)* ['I hate it!'. An open letter by Nikolay Kazmin (on the problems of contemporary pedagogy)]. Opublikovano 05.02.2018. Available at: <http://likorg.ru/post/nenavizhu-otkrytoe-pismo-nikolaya-kazmina-o-problemah-sovremennoy-pedagogiki> (Accessed 10 February 2018).
- Orlova I.B. Reformirovanie sistemy vysshego obrazovaniia v otsenke universitetskogo soobshchestva [Reforming higher education as assessed by the university community], *Alma mater. Vestnik vysshei shkoly*, 2017, no. 1, pp. 6-10.
- Plan meropriiati ("dorozhnaia karta") "Izmeneniia v otrasliakh sotsial'noi sfery, napravlennye na povyshenie effektivnosti obrazovaniia i nauki" [A plan of measures ('roadmap') entitled 'Changing the social sphere to enhance the effectiveness of education and science']. Utverzhen rasporiazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 30 dekabria 2012 g. № 2620-r. Available at: https://минобрнауки.рф/новости/2993/файл/1565/12.12.30-Распоряжение_2620р.pdf (Accessed 10 January 2018).
- Prikaz Minobrnauki Rossii ot 22.12.2014 N 1601 (red. ot 29.06.2016) «O prodolzhitel'nosti rabochego vremeni (normakh chasov pedagogicheskoi raboty za stavku zarabotnoi platy) pedagogicheskikh rabotnikov i o poriadke opredeleniia uchebnoi nagruzki pedagogicheskikh rabotnikov, ogovarivaemoi v trudovom dogovore [Order of the Russian Ministry of Education and Science dated 22.12.2014 No. 1601 (amended 29.06.2016) entitled 'On the number of working hours (hours of pedagogical work in relation to the wage rate) for pedagogical staff and on the mechanism of defining pedagogical staff's workload to be stated in employment contract']. Available at: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-22122014-n-1601>. (Accessed 10 January 2018).
- Reforma vysshego obrazovaniia: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [The reform of higher education: Russian and international experience], *Biulleten' o sfere obrazovaniia. Analiticheskii tsentr pri pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii*. June 2017, no. 12, pp. 3-23. Available at: <https://nangs.org/analytics/analiticheskij-tsentr-pri-pravitel'stve-rf-reforma-vysshego-obrazovaniya-otchestvennyj-i-zarubezhnyj-opyt-iyun-2017-pdf>. (Accessed 10 January 2018).

Ukaz Prezidenta RF ot 7 maia 2012 g. N 597 "*O meropriiatiakh po realizatsii gosudarstvennoi sotsial'noi politiki*" [Decree of the Russian President dated 7 May 2012 No. 597 entitled 'On the measures for implementing state social policy']. Moscow, 2012. Available at: <http://base.garant.ru/70170950/> (Accessed 10 January 2018).

Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia. Uroven' vysshego obrazovaniia - bakalavriat. Napravlenie podgotovki 46.03.03 Antropologiya i etnologiya [The federal state standards for higher education. The bachelor level. Subject area – 46.03.03. 'Anthropology and Ethnology']. Moscow, 2014. Available at: https://www.rsuh.ru/upload/main/umo/binary/фroc%203/460303_Antropologia_i_etnologiya.pdf (Accessed 10 January 2018).

040102 Sotsial'naia antropologiya. Gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart Vysshego obrazovaniia [040102 'Social Anthropology'. The state standards for higher education]. Moscow, 2000. Available at: <https://eduscan.net/> (Accessed 10 January 2018).